

определенной социально-экономической системы» (с. 92). В действительности же мы имеем дело с определенной социально-экономической системой, причем имевшей самое широкое распространение. И совсем не случайно все то, что сказано Г. Е. Марковым о социальной структуре монгольской империи (с. 87—92, 95 и др.), во многом совпадает, например, с описанием общественных отношений в формирующемся классовом обществе земледельческой Буганды⁴. Быстрое превращение «ацефальных» обществ в формирующиеся классовые (протоклассовые), а затем и в раннеклассовые характерно не только для кочевых, но и земледельческих народов. Так, например, буквально за несколько десятков лет «ацефальное» общество галла Эфиопии превратилось в протоклассовое, а затем и раннеклассовое⁵.

Как показывает Г. Е. Марков, возможен был переход не только из «общинно-кочевого» состояния в «военно-кочевое», но и из последнего снова в первое (с. 313). Аналогичное явление наблюдалось и у земледельческих народов. У них зафиксирован случай превращения не только «ацефальных» обществ в протоклассовые, но и протоклассовых в «ацефальные». Но нельзя не отметить, что по крайней мере в ряде случаев и после распада кочевых империй характерные для них социально-экономические отношения долгое время продолжали в какой-то степени сохраняться. Это особенно наглядно видно на примере монголов, у которых эти отношения, не исчезнув полностью после крушения империи, получили вновь развитие после завоевания их Китаем (см. стр. 9, 297, 122—130). Все приведенные выше данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что не существует никаких особых социально-экономических отношений, присущих исключительно кочевникам. В их обществе существовали те же самые производственные отношения, что и в обществе земледельцев, находившихся на стадиях предклассового и отчасти раннеклассового общества.

Все наши замечания, вполне понятно, не меняют общей весьма высокой оценки этого фундаментального труда. Книга Г. Е. Маркова, как отмечалось выше, во многом носит дискуссионный характер. И в этой дискуссионности, в свежем и оригинальном подходе к огромному материалу, которым располагает наука о кочевниках, на наш взгляд, главное достоинство рецензируемой монографии. Она заставляет по-новому поставить казалось бы давно уже решенные вопросы, будит мысль, требует дальнейших теоретических изысканий в этой области. Очень важны крупные теоретические выводы, сделанные в книге. Безусловно ценен тот огромный фактический материал, который тщательно собран, скрупулезно проанализирован и творчески обобщен автором. Книга Г. Е. Маркова, несомненно представляет собой существенный вклад в советское и мировое кочевниковедение и, шире, в советскую и мировую этнографическую и историческую науки. И очень жаль, что столь ценная работа издана мизерным тиражом.

С. И. Вайнштейн, Ю. И. Семенов

⁴ См. Э. С. Годинер. Становление государства в Буганде.— «Становление классов и государства».

⁵ См. H. S. Lewis. A Galla monarchy. Jimma Abba Jifar, Ethiopia, 1830—1932. Madison and Milwaukee, 1965.

НАРОДЫ СССР

В. И. Козлов. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М., 1975, 264 с.

Острая нужда в работе, подобной рецензируемой, давно ощущается многими специалистами, изучающими население СССР: экономистами и демографами, географами и историками, этнографами и плановиками.

Несомненно, что в последние два десятилетия в изучении населения страны достигнуты существенные успехи. Однако подавляющее большинство исследований четко делится по «ведомствам»: одни, скажем, географические (и только географические!), другие — сугубо демографические, третьи — исключительно этнографические и т. д. Обычно ощущается весьма слабое знакомство авторов со смежными научными дисциплинами.

Между тем в жизни экономические, демографические, географические, этнические и многие другие процессы столь тесно между собой связаны, что изучение одних без связи с другими заведомо не может дать полноценных результатов, а иной раз приводит и к крупным ошибкам. Автору этой рецензии — специалисту по миграции населения — хорошо известна бесплодность изучения миграции населения (процесса демографического) без учета этнических характеристик населения и этнических процессов.

Первое и бесспорное для меня достоинство книги В. И. Козлова — рассмотрение важных процессов развития населения страны в их естественной взаимосвязи. Книга — практически первый опыт этнодемографического и этногеографического обзора населения страны в совокупности, что также повышает ее ценность. Но это же делает и особо важным учет ее достоинств и недостатков ради развития первых и устранения последних в дальнейших исследованиях.

При изложении результатов исследования В. И. Козлова подстерегали большие трудности. Изложение может быть только «линейным», последовательным, в то время как явления, о которых идет речь в книге, образуют в жизни сложный «синдром», находясь как бы в многомерном пространстве.

На мой взгляд, автор успешно справился с этой трудностью, сделав упор последовательно на разные аспекты исследуемых процессов. Книга состоит из четырех глав, носящих названия: «Историческая», «Географическая», «Демографическая», «Этнографическая». Какие аспекты рассматриваются в каждой главе, видно из их названия. Однако, как справедливо отмечает автор, «названия глав отражают лишь тот факт, что в центре внимания находится определенный аспект изучаемых явлений», но отнюдь не свидетельствуют о том, что, скажем, в географической главе нет исторического подхода к рассматриваемым явлениям.

Книга содержит громадный фактический материал, извлеченный в основном из итогов Всероссийской переписи населения 1897 г. и четырех Всесоюзных переписей — 1926, 1939, 1959 и 1970 гг. Кроме того, использован значительный материал специальных обследований, особенно в последней (этнографической) главе.

В первой главе рассмотрено формирование национального состава и рост численности населения до 1917 г., этноязыковый состав и размещение народов России, состав ее населения в антропологическом и религиозном отношениях, рост численности населения в советское время, рассказано также о национальной политике царизма и национальной проблеме в программе РСДРП до революции и о национальной политике Советской власти. При относительно небольшом размере глава содержит громадный фактический материал по большинству народов СССР. Думаю, что некоторые сведения можно было свести в таблицы (в дополнение к небольшому числу имеющихся), что сделало бы их более обозримыми и облегчило усвоение.

При чтении главы также явно не хватает карты. Словесное описание размещения народов не может быть, вероятно, в принципе выразительным. Данные о размещении трудно запоминаются даже географом. Видимо, автору и редактору словесное описание давалось также нелегко. Именно этим можно объяснить ошибку в описании размещения эвенов: «К эвенкам по происхождению и хозяйственному быту близки эвены, живущие к северо-западу от них (надо — к северо-востоку — В. П.), от Индигирки до центральных районов Камчатки». (стр. 22). Разумеется, на карте такая ошибка (описка) была бы невозможна.

Во второй главе дана общая картина размещения населения, охарактеризован процесс урбанизации и особенно его этнические аспекты, изменения в размещении населения и его национальном составе по республикам.

Глава в целом производит очень хорошее впечатление. Стоит специально отметить, что по ряду важных принципиальных вопросов автор стоит на наиболее современных позициях. Так, процесс урбанизации он определяет как сложное явление, включающее, в частности, «распространение образа жизни, „городской“ организации производственной деятельности и т. д. на сельское население» (стр. 76). Нередко до сих пор урбанизацию примитивно понимают только как абсолютный и относительный рост городского населения.

В рамках поставленных В. И. Козловым задач глава содержит практически исчерпывающие сведения. Цифровой материал хорошо организован в таблицы, которых в этой главе много.

На мой взгляд, автор очень удачно выделил те аспекты процессов, которые особенно важны с точки зрения этнического развития, особенно роль больших городов, население которых наиболее пестро в этническом отношении.

Основной недостаток главы тот же, что и предыдущей — отсутствие карт. Многие приведенные в тексте и таблицах данные прямо-таки «просятся» на карту.

В тексте есть ряд мелких неточностей, а иногда и существенных. Так, сальдо миграции населения из сел, правильно названное в таблице на стр. 79, на предыдущей странице называется «числом переселившихся в города». На самом деле — это разница между числом переселенцев из села в город и из города в село, это чистый приток горожан за счет миграции. Утверждается, что города притягивают «высвобождающуюся на селе рабочую силу» (стр. 80). На самом деле, как давно показано исследователями миграции, не всегда «свободная» (т. е. лишняя, избыточная с точки зрения потребностей народного хозяйства) рабочая сила «притягивается» городами, в некоторых случаях в города уходят при резком недостатке рабочей силы в селе. Правильно отметив, что «переселение в города местных коренных национальностей шло здесь (в Узбекистане. — В. П.) относительно медленно», В. И. Козлов утверждает, что «они обычно составляли существенный процент лишь среди горожан, занятых в административном аппарате, культуре и просвещении» (стр. 90). Здесь забыты по крайней мере бытовое обслуживание, торговля и общественное питание.

На некоторых страницах (напр. 96—97) так много цифр, что читать их трудно. Между тем эти цифры можно было свести в таблицы. Скорее даже так: таблицы не следовало переводить в текст (такой текст, не имея перед глазами таблиц, написать нельзя). В некоторых случаях текст дублирует таблицы, в чем никакой нужды нет.

Неверно утверждение, что относительный рост городского населения в Средней Азии замедленный (стр. 107). Городское население Средней Азии растет исключительно быстро. Другое дело, что медленно увеличивается его доля во всем населении района.

Довольно много здесь мест, малоудачных скорее стилистически, чем по существу, однако могущих ввести в заблуждение. Вот один пример. «В Украинской ССР украинцы расселены почти по всей территории, кроме некоторых восточных и южных областей, где высок процент русского населения...» (стр. 114). Разумеется, автор знает, что и в этих областях (Донецкая, Одесская, Крымская — они перечислены автором) живут украинцы.

В третьей главе, написанной при участии Г. А. Бондарской, детально рассмотрена динамика естественного движения населения и этнодемографическая ситуация 1926 и 1970 гг. Глава в целом производит очень хорошее впечатление, несомненно, она написана на самом высоком для настоящего времени уровне демографических знаний. К сожалению, здесь тоже встречаются неточные формулировки. Авторы утверждают, например, что «городское население в это время (60-е годы — В. П.) увеличивалось примерно на 1% каждый год, из сельских местностей в города ежегодно переселялось свыше 1 млн. человек...» (стр. 182). В одной фразе здесь три ошибочных утверждения. Городское население увеличивалось на 2—3% в год (на 1% увеличивалась доля горожан в населении страны); речь здесь явно идет не о числе переселенцев из села в город, а о сальдо миграции (потому что переселялось ежегодно более трех миллионов), притом горожан за счет миграции составляя, конечно, больше миллиона, но не лучше ли назвать более точную цифру — от полутора до двух миллионов?

К счастью, таких мест немного.

Думаю, что авторы несколько односторонне объясняют увеличение доли ранних браков в конце 60-х годов акселерацией (стр. 186). Это, по-нашему мнению, правильно лишь отчасти. По-видимому, большое значение имело возвращение со срочной службы из Армии в 20 лет, а не в 22 года, как было раньше. Эта причина в демографической литературе уже неоднократно называлась.

В этой главе удачно использованы графики.

Думаю, что глава выиграла бы, если бы более широко были использованы относительно точные показатели воспроизводства населения, особенно нетто-коэффициенты по союзным республикам.

Наилучшее впечатление в книге производит заключительная, четвертая, глава. Основанная не только на переписных данных, но и на результатах многих этнографических исследований, проведенных в разных районах страны, она отличается исключительной тщательностью формулировок. Здесь рассмотрены виды этнических процессов вообще и в СССР; этноязыковые процессы и национально-смешанные браки в СССР. Дана четкая классификация этнических процессов, которые делятся на процессы этнического разделения и этнического объединения. В настоящее время для этнического развития народов СССР характерны последние. Они подразделяются на консолидацию, ассимиляцию и межэтническую интеграцию.

Как правильно пишет автор, «многие... характеризую этнические процессы в СССР, избегают употреблять термин „ассимиляция“» (стр. 197). Опираясь на труды В. И. Ленина, В. И. Козлов убедительно доказывает, что надо четко различать насильственную ассимиляцию и естественную. В антагонистических общественных формированиях ассимиляционные процессы были противоречивы, в настоящее время в СССР они прежнюю свою противоречивость, по мнению автора, потеряли (стр. 198). В данное время «ассимилируемые группы сами стремятся к слиянию с окружающим их народом» (стр. 198).

В статистических материалах находят отражение лишь процессы этнической консолидации и этнической ассимиляции.

По данным переписей подробно рассмотрены этноязыковые процессы в СССР. Для населения страны характерно широчайшее развитие двуязычия и сильное расхождение между национальным самосознанием и родным языком. Это расхождение свидетельствует об интенсивности этнических процессов, поскольку родной язык — менее устойчивый признак национальной принадлежности, нежели национальное самосознание.

В. И. Козлов отмечает, что за 11 лет, прошедших между переписями населения 1959 и 1970 гг., «национально-языковая ситуация в стране изменилась сравнительно мало» (стр. 220). Доля считающих родным язык не своей национальности увеличилась всего с 5,7 до 6,1% (до 14,8 миллиона человек). Однако автор справедливо считает, что введение в программу переписи 1970 г. нового для переписей СССР вопроса о свободном владении вторым языком народов СССР могло приблизить ответы на вопросы о языке к ответам на вопрос о национальности (стр. 220, 221). Значительно шире распространено двуязычие. Общая численность свободно владеющих родным языком составила в 1970 г. 52,2 млн. человек, или 21,6% населения страны. Из 14,8 млн. человек, у которых родной язык не совпал с национальностью, толь-

ко 4,0 млн. свободно владели языком своей национальности. Из этого видно, что почти 3/4 тех, у кого язык и национальность не совпали, не знали языка своей национальности. Автор считает, что «перемена родного языка... означает обычно не двуязычие, а именно языковую ассимиляцию» (стр. 226). Против этого трудно возражать. Однако расхождение между национальностью и родным языком совсем не обязательно означает «перемену родного языка». Как показано самим В. И. Козловым в следующем параграфе, в республиках Средней Азии, Казахстана и на Кавказе дети от национально-смешанных браков при получении паспорта в подавляющем большинстве случаев принимают национальность отца. Однако многие из них, как показывают первичные данные переписей, не знали языка отца, т. е. родной язык у них с самого начала обычно был иным, чем национальность. В. И. Козлов ничего об этом не говорит. Она основывается на проведенных этнографами работах, однако этнографы при изучении национальности детей от смешанных в национальном отношении браков до сих пор почему-то ограничиваются данными паспортных столов о выборе юными гражданами национальности при получении паспорта. Однако из этих данных (а соответственно и из основанных на них работах) ничего нельзя узнать о соотношении национальности и родного языка граждан, получающих паспорт. При получении паспорта возможность выбора национальности ограничена национальностью родителей. Между тем, первичные данные переписей населения говорят о том, что национальность многих детей отличается от национальности родителей (при переписях запись о национальности основывается на самосознании взрослых; для детей она записывается по указанию родителей; при спорах родителей или их сомнениях записывается национальность матери). Несомненно, что порядок регистрации этнической (национальной) принадлежности при переписях точнее отражает фактическое положение дела и предпочтительнее при изучении этнических процессов. Отличие национальности детей от национальности родителей имеет массовый характер. Оно обычно встречается в двух случаях: когда национальность родителей различна, и семья живет в инонациональном окружении; когда национальная принадлежность членов брачной пары одинакова, однако они существенно затронуты ассимиляцией, например, перешли на другой язык. Так, например, нам известны случаи, когда русскими считали себя дети от браков украинца и белоруски, чуваша и мордовки, мордвина и украинки и т. д. (русскими считали их и родители), когда они проживали преимущественно в русском окружении (Сибирь, Казахстан). Очень много «русских» детей у однопациональных украинских и белорусских брачных пар, проживающих в Казахстане.

По этим причинам представляется не вполне точным следующее утверждение автора: «Кроме языковой ассимиляции, важной составной частью этнических процессов, мощным фактором и одним из важнейших показателей их развития являются смешанные в этническом отношении браки» (стр. 227). Фактически языковая ассимиляция и смешанные браки в громадной степени перекрываются: затронутые языковой ассимиляцией чаще вступают в смешанные браки; у детей, рожденных от этих браков, национальное самосознание и родной язык часто расходятся.

Национально-смешанные браки «обычно ломают прежний этнический быт по крайней мере одного из супругов, ведут к взаимопроникновению языка и культуры: в национально-смешанных семьях нередко один из супругов переходит на другой язык, иногда бытуют оба языка, и, наконец, бывают случаи, когда супруги пользуются главным образом третьим языком — посредником межнационального общения» (стр. 229). Как справедливо отмечает автор, правила определения национальности при получении паспорта «огрубляют действительную этническую ориентацию многих граждан СССР, а в ряде случаев и искажают ее, сильно затемняя тем самым реальное развитие этнических процессов...» (стр. 231).

Дети из смешанных семей в определенной степени интегрируют этнические культуры родителей, однако статистически «второе поколение в таких семьях как бы обрывает этническую линию по крайней мере одного из родителей, исключая его тем самым из процесса воспроизводства коренной для него этнической общности» (стр. 321). А это ведет к тому, что численность одних народов растет быстрее, чем это было бы без смешанных браков, других медленнее (или даже уменьшается), поскольку дети распределяются по национальности существенно иначе, чем родители.

Смешанных в национальном отношении семей в СССР очень много, их число и доля среди всех семей быстро растут. Если в 1959 г. из 1000 семей смешанными были 102, то в 1970 — уже 135 (стр. 235 и 246). Следовало отметить, что «смешанные в национальном отношении семьи» — это не совсем то, что смешанные брачные пары: если национальность ребенка иная, чем родителей, при однопациональном браке (например, ребенок украинцев — русский), то семья — смешанная. Для этнографа это различие не очевидно, между тем оно важно. В местах массовой этнической трансформации (например, украинцы на Северном Кавказе, в Курской и Воронежской областях, в Западной Сибири и Северном Казахстане, на Дальнем Востоке) различие между этнически смешанными браками и этнически смешанными семьями особенно важно.

Автор прекрасно показал повсеместное (в принятом масштабе) распространение смешанных браков и повсеместный их абсолютный и относительный рост. Наиболее характерны такие семьи для городов, где в целом по стране из 1000 семей в 1970 г. 175 было смешанных, а в Молдавии — даже 344. Меньше всего их в Армении — 45

из тысячи, что объясняется высокой степенью однопациональности населения Армении; относительно мало их также в городах России (125, причина — та же) и Азербайджане (128). Очень много смешанных браков в городах Украины (296 из тысячи), Белоруссии (292), Латвии (254), Казахстана (237). В сельской местности по стране в целом смешанных семей значительно меньше — 79 из 1000; самая высокая их цифра — в Казахстане — 170 из 1000 (стр. 246).

Очень быстрый рост доли смешанных в национальном отношении семей более всего остального ставит под сомнение сравнимость данных о доле лиц с родным языком другой национальности по переписи 1959 и 1970 гг. — 5,7 и 6,1% соответственно. К сожалению, это не отмечено автором.

В книге приведены также интересные данные о выборе национальности при получении паспорта детьми из смешанных семей. Однако с точки зрения изучения действительных этнических процессов значительно большую ценность имели бы соответствующие данные переписей. Их отсутствие в книге — недостаток не столько этой книги, поскольку это работа сводная, обобщающая, сколько советской демографии в целом, которая почему-то не учитывает ценнейшие для освещения этнических процессов первичные материалы переписей (опросные листы). Очень жаль, что советские этнографы не провели пока также полевых исследований самого процесса этнических изменений, ограничившись констатацией его результатов. Отдельные наблюдения в смешанных семьях показывают резкое усиление этнических сдвигов в таких семьях от поколения к поколению.

Книга В. И. Козлова завершается очень интересным, обширным и насыщенным фактами заключением, где, в частности, рассмотрена динамика численности национальностей СССР по данным четырех Всесоюзных переписей. Различия в темпах прироста в значительной мере объясняются именно этническими процессами. Так, сокращение численности украинцев между переписями 1926 и 1939 гг. «вызвано тем, что значительные группы населения на юге и в других районах Европейской части РСФСР, показавшие себя при переписи 1926 года украинцами, фактически находились в этнически переходном состоянии и по переписи 1939 года отнесли себя к русским...» (стр. 251). Думаю, что это справедливо и по отношению к относительно многочисленному ранее украинскому населению Западной Сибири и Северного Казахстана. Видимо, относительно низкий прирост украинцев между переписями 1959 и 1970 гг. (на 9,4%) также следует объяснить этническими процессами.

Снижение численности мордвы, карелов и ряда других народов за эти 11 лет В. И. Козлов справедливо считает результатом продолжающейся ассимиляции этих народов, главным образом русскими.

В. И. Козлов отмечает, что «постепенно размываются границы между отдельными народами», что «имеется много людей с нечетким национальным самосознанием» (стр. 260). Следует полностью присоединиться к мнению В. И. Козлова, что «этническая статистика неточно отражает реальность», а также к выражаемой им надежде, что «важный процесс сближения и слияния наций, или, как мы его называем, процесс межнациональной интеграции, найдет свое отражение в новых переписях населения СССР» (стр. 261). В книге нет четко сформулированных конкретных предложений по этому вопросу, однако из сказанного в последней ее части однозначно следует, что при переписях нужно выделять группу «национально неопределенных».

Подведем краткие итоги.

Советский читатель получил ценную книгу, созданную в самом точном смысле слова «на грани наук». Необходимость интеграции наук очень часто провозглашается, но практически для этого делается мало. Здесь мы имеем очень удачный пример такой интеграции. Книга принесет много пользы всем, кто изучает население СССР. Полезна она будет каждому, кто интересуется развитием населения не профессионально. Правда, освоение книги читателем-неспециалистом затруднено некоторыми недостатками изложения, прежде всего отсутствием карт и избытком цифр в тексте, часть которых, вероятно, можно было вынести в таблицы. Пользование книгой было бы существенно облегчено, если бы в ней был предметный указатель.

Все отмеченные в рецензии недостатки имеют частный характер.

Появление этой ценной книги дает основание надеяться на развитие междисциплинарных исследований и появление новых трудов такого же рода. Представляется желательным и переиздание данной книги после проведения в СССР новой переписи населения в 1979 г.

В. И. Переведенцев